

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации **Нургюл Оздемир** на тему: «**Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX - начала XX века (функционально-семантический аспект)**», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Изучение полевой природы семантики языка – задача чрезвычайно сложная, требующая от исследователя серьезной теоретической подготовки и крепкого владения комплексом научных методов, вскрывающих как содержание самой семантической категории, так и способы её экспликации в конкретном речевом материале. Общеизвестно, что границы поля (семантического, тематического, функционально-семантического) не всегда очерчиваются строго и бесспорно, поскольку семантика вообще плохо поддается формальным исчислениям, а значение повторяемости во времени (основной предмет интереса рассматриваемой диссертации) часто отнесут к различным функционально-семантическим полям русского языка, например, – временному и количественному. Дискуссионность, неоднозначность решения этого вопроса, наблюдаемая в исследовательской литературе, поиск строгих дефиниций для определения места итеративности в семантической структуре русского языка – во многом составляют актуальность предлагаемого диссертационного сочинения, а языковой материал, в недрах которого **Нургюл Оздемир** пытается обнаружить способы выражения этой категории, – русский рассказ конца XIX – начала XX века – определяет новизну предпринятого исследования. К тому же следует приветствовать сопоставительное – в нашем случае, русский язык на фоне турецкого – наблюдение за авторскими приемами выражения этой во многом синкретичной семантики и переводческими усилиями в деле адаптации этих приемов под языковую систему другого языка.

Совершенно очевидно, что набор языковых средств выражения семантики итеративности не может повторяться из текста в текст, что

значение повторяемости в художественном тексте во многом зависит от самого этого текста как сугубо авторского речевого пространства, в котором образы времени (как и другие) составляют эстетическое мироощущение писателя, в нашем случае – двух больших творческих величин русской литературы, А.П. Чехова и И.А. Бунина. Отрадно поэтому, что Нургюл Одземир пытается дать сопоставительно-авторскую картину использования тех или иных способов реализации категории итеративности в рассказах этих замечательных художников. Правда, сопоставительность наблюдений никак не связывается с идейно-эстетическими, творческими установками писателей, с темой конкретного произведения, от чего во многом и часто зависит интенсивность или, напротив, неактуальность выражения семантики повторяемости, но, видимо, это дело будущего, а пока все ограничивается сравнительными замечаниями о том, какие коннотации приобретает то или иное (преимущественно) наречие со значением повторяемости.

В этой связи вызывает вопросы столь широко формулируемая цель **исследования** (цитата) – «выявить семантическую и функциональную специфику итеративных единиц в художественном тексте рассказа (на примере русского рассказа конца 19-го- начала 20-го века)» (с. 8–9). Во-первых, в центре внимания Нургюл Одземир – преимущественно наречия итеративности, причем в своем ядерном значении содержащие эту семантику (*обычно, регулярно, обыкновенно* и под.), а также словосочетания с определительными местоимениями (*всякий раз, каждый день* и под.), некоторые адвербиализированные предложно-падежные группы слов данной семантики (*по привычке, по обыкновению* и под.). Словом, рассматриваются исключительно лексические или, вернее, лексико-грамматические средства выражения семантики итеративности. Иные способы выражения семантики повторяемости в работе не исследуются, хотя в формулировке цели, как видим, это сужение предмета не обозначено. Во-вторых, рассказ конца XIX – начала XX века, конечно, включает прозаическое творчество Чехова и Бунина, но никак им не ограничивается. Конечно, выбор этих авторов

представляется весьма выигрышным и более чем удачным, однако этот выбор должен быть четко мотивирован именно проблематикой работы. Иными словами, на вопрос – почему именно эти авторы, именно эти рассказы (тема, художественная задача и под.) – стали объектом лингвистического исследования в связи с категорией итеративности – остался без внятного ответа. Довольно хорошо представленная теоретическая литература о рассказе как жанре, о некоторых особенностях идиостиля двух выбранных авторов, все-таки не дает ответа и на другой, связанный с первым, вопрос – а разве в рассказах других писателей, имеющих ту же повествовательную нарративность, те же эстетические задачи, ту же хронологическую отнесенность, не используются те же наречия, те же словосочетания с семантикой повторяемости? В работе нет четкого указания на количественный состав материала – сколько рассказов и каких именно каждого автора подверглось лингвистическому анализу.

Теоретическая глава построена вполне традиционно, в ней довольно полно освещается степень изученности поставленной проблемы, причем как в русской, так и турецкой лингвистике, что дает известное представление о научном кругозоре нашей диссертантки. Представленная научная литература, посвященная избранной проблематике, кажется вполне достаточной. Правда, при освещении той или иной точки зрения на итеративность, её онтологию, особенности проявления и способы исследования, автор диссертации не выражает отчетливо и четко своей позиции. Так, из формулировки темы диссертации (функционально-семантический аспект), как будто, ясно, что в основе всех рассуждений окажется подход, выработанный в недрах функциональной грамматики, блестяще представленный, прежде всего, в работах А.В. Бондарко. Однако рассмотрение только лексико-грамматических средств, изначально имеющих семантику повторяемости, не дает тех результатов, на которые обычно нацелена функциональная грамматика. А именно – исследование системных разноуровневых средств выражения той или иной семантической категории (потому это именуется функционально-

семантическим полем), причем часто – совсем изначально не очевидных, а проявляющих себя только в тексте.

Встречаются в этой части и некоторые стилистически неловкие и даже странные высказывания; мимо некоторых из них пройти невозможно, т.к. связаны они с именем Учителя, замечательного ученого – В.В. Колесова. Я имею в виду те суждения Владимира Викторовича, которые даются без кавычек, без ссылок на исходный текст и в явно свободном переложении (нередко – с грамматическими и логическими ошибками), во многом искажающем их смысл:

«По мнению В. В. Колесова, ментальность – образ понимания миру и способ видения (морально, этично, нравственно); взгляды на жизнь с эмоциями, а менталитет – способ осознания, восприятия мира индивидом или обществом, представляет черты культуры, национальные особенности народа. Согласно В. В. Колесову, менталитет используется для материальных установления связи в отношениях, взглядах, а ментальность для регулирования нравственных норм» (с. 96). [подчеркнуто мной – Т.С.]

Кажется несколько безапелляционными и, конечно, терминологически и методологически неверными утверждения диссертантки о том, что

«М. М. Бахтин (1895-1975) изучал картину миру Ф. М. Достоевского, В. В. Виноградов (1895-1969) – А.С. Пушкина, А. П. Чудаков (1938-2005) – А.П. Чехова и др.» (с. 96).

Это в корне неверно, поскольку указанные ученые, во-первых, никогда не употребляли этот термин «картина мира», во-вторых, они – представители разных отраслей филологической науки, в-третьих, проблематика «языковой картины мира» во всей полноте ее лингвокультурологической обоснованности появилась много позднее исследовательских изысканий представленных в этом списке больших филологов.

Хочется пожелать Нургюл Одземир быть аккуратнее с терминологией, корректнее с определением авторской позиции больших ученых, точнее – с источниками и цитируемой научной литературой.

Кстати, автору не хватает точности и тщательности в оформлении и цитировании ряда источников, например, словарей. Так, в тексте диссертации при ссылке на словарь (например, БАС), номер тома не указывается, только страница (с. 48), а в списке словарей для 17 томов

издания указывается один год издания – 1959, причем без упоминания редактора словаря. Нет указания на гл. редактора и при описании словаря XVIII века. (Далее). Если для академического четырехтомника под редакцией А.П. Евгеньевой общепринятая аббревиатура МАС используется, то для семнадцатитомника аббревиатура БАС игнорируется. В списке словарей А.П. Евгеньева указывается как автор словаря, а не редактор. То же относится и к словарю Д.Н. Ушакова, при фиксации которого при этом не указано и количество томов.

Такие досадные, почти формальные недочеты, к сожалению, неизбежно смазывают общее впечатление от диссертации, в которой форма фиксации источника, исследовательского труда, словаря должна быть стандартна и безупречна.

В работе, к великому сожалению, как уже отмечалось, немало также опечаток и явных грамматических ошибок.

А в целом диссертация предстает, на мой взгляд, как весьма перспективная и полезная работа. Например, очень выигрышной мне кажется та часть диссертации, в которой тщательно и детально описываются, регламентируются и классифицируются ошибки в переводах на турецкий язык рассказов Чехова и Бунина в части использования в них итеративных наречий и наречных групп. Это важно не только с практической, но и с теоретической точки зрения – часто именно при переводе на другой язык ярко проступают дифференциальные семы рассматриваемого слова в рамках конкретного текста.

Вызывает всяческое одобрение пошагово прописанная методика анализа, предпринятая в диссертации (с. 116 – 117), которой следует наша диссертантка при непосредственном анализе материала. Правда, не всегда все 6 отмеченных исследовательских шага исполняются во всей полноте, но это, видимо, и не всегда необходимо. Нургюл Одземир старается быть математически, вернее, статистически, очень достоверной, потому в работе много сопоставительных таблиц, представляющих данные о частотности

использования той или иной итеративной единицы двумя рассматриваемыми авторами, сопоставительные наблюдения по части семантической окказиональности и проявленности дополнительной коннотации, возникшей у известного слова (или группы слов) в рассматриваемых текстах. С некоторыми формулировками в них можно поспорить (особенно в представлении семантических оттенков итеративной единицы), но эта часть диссертации не вызывает особых возражений, прежде всего, в связи с демонстрацией в ней искреннего желания её автора скрупулезно исследовать семантические переливы наречий и наречных слов / комплексов, проявляющиеся в конкретных текстах. И эта важная задача Нургюл в целом выполнена.

Сказанное свидетельствует, что диссертация состоялась, она самостоятельна, интересна по замыслу и содержательно представляет собой законченное сочинение. Таким образом, диссертация **Нургюл Оздемир** на тему: **«Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX - начала XX века (функционально-семантический аспект)»**, соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Нургюл Оздемир** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, профессор,
Профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

11.09.2022